

Л. А. Садова

Россия и Норвегия: особенности двусторонних отношений в 1891–1905 гг.

В результате радикальных изменений на политической карте Европы с окончанием наполеоновских войн, в 1814 г. на международной арене появилось новое государство — Соединенные королевства Швеция и Норвегия. Уния, заключенная между Швецией и Норвегией в 1814 г., имела ряд особенностей, в том числе юридических. Московская конвенция, оформившая унию двух соседних государств, была заключена при условии юридического признания со стороны Швеции Эйдвольской конституции 17 мая 1814 г., одной из самых демократических в Европе на тот момент. Новая редакция конституции с учетом оформления унии была подписана 4 ноября 1814 г.¹ Окончательно же условия союзных отношений между Швецией и Норвегией были закреплены в Государственном акте (Riksakt), подписанном парламентами обеих стран в 1815 г. Таким образом, наличие многочисленных юридических документов повлекло за собой различное их толкование среди шведских и норвежских интеллектуальных и властных кругов.

На основании всех подписанных документов Норвегия фактически получила полную внутреннюю самостоятельность в рамках унии, ведение же внешней политики сосредотачивалось в руках Швеции. Главным соединяющим два государства институтом был король. Согласно конституции, он являлся главой исполнительной власти, верховным главнокомандующим, назначал норвежское правительство (Государственный совет) и т.д. Однако его полномочия

были значительно ограничены закрепленными конституцией правами парламента (стортинга) и введением отлагательного вето; норвежская казна находилась в Норвегии, и все доходы страны шли на нужды граждан². С точки зрения отечественного историка В. В. Рогинского, «шведско-норвежскую унию можно охарактеризовать как конфедерацию двух государств. Фактически союз Швеции и Норвегии был сведен к личной унии двух стран, объединенных персоной монарха»³.

Согласно ст. 4 Риксакта, ведение внешней политики находилось в руках короля, в ее осуществлении ему помогало шведское Министерство иностранных дел. На основании ст. 7 министром иностранных дел мог быть только швед по национальности, а само ведомство являлось шведским учреждением. Официальное название нового двуединого государственного образования было «Соединенные королевства Швеция и Норвегия»⁴.

Норвежский исследователь Б. Терьесен отмечает значительную разницу в историческом политическом и государственном наследии двух объединенных унией государств, которая на фоне роста националистических настроений в Норвегии на протяжении XIX в. привела к политическому кризису между Швецией и Норвегией в 1890-х — 1905 г. Он обращает внимание на то, что Швеция в разные периоды своей истории играла важную роль в европейской политике, в то время как Норвегия с XIV в. не являлась самостоятельным государством⁵.

Введение в Норвегии парламентаризма и ответственности правительства перед парламентом в 1884 г. еще больше ослабило власть монарха в стране. Привычный баланс в унии был нарушен. Введение ответственности шведского премьер-министра и министра иностранных дел перед шведским парламентом (риксдагом), а не перед королем, согласно редакции в 1885 г. «Формы правления», окончательно изымало из рук короля давнее право ведения внешней политикой государства и делали его фигуру в большей степени номинальной для унии. Внешнеполитические вопросы предоставлялись на рассмотрение так называемому Министерскому совету, в котором лишь одно место принадлежало норвежскому представителю, принимавшему участие в обсуждении вопросов, связанных с интересами Норвегии. Норвежцы не занимали руководящих постов в общем внешнеполитическом ведомстве, а также дипломатических постов, а только представляли интересы государства в качестве консулов в ряде стран, в то время как норвежская экономика рубежа веков, направленная на активные внешнеторговые операции и предоставление фрахтовых услуг по всему миру, требовала защиты интересов страны на международной арене. Лишь в 1900 г. на должность секретаря МИД был назначен норвежец Т. фон Диттен. Российский посланник в Стокгольме писал по этому поводу: «Назначенный г. фон Диттен составляет первый пример предоставления норвежскому уроженцу должности ближайшего помощника министра иностранных дел»⁶.

Придя к власти в 1891 г., радикальное крыло норвежской либеральной партии (радикальные, «чистые» Венстре), начали борьбу за введение собственной норвежской консульской службы, а впоследствии и собственного министерства иностранных дел. Так называемый консульский вопрос стал предметом споров и распрей не только между властными структурами обоих королевств, но также и в общественных, военных, политических кругах. В том числе он отразился на внешней политике Соединенных королевств и стал в дальнейшем поводом к расторжению шведско-норвежской унии⁷.

Особенности государственной структуры Соединенных королевств наложили отпечаток на структуру и развитие российско-шведско-норвежских отношений на рубеже XIX–XX в. Дипломатические депеши, консульские донесения российских представителей в королевствах, краткие отчеты МИД, представления царю, а также внутренняя переписка между различными ведомствами, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, дают возможность составить общее представление об организации российского дипломатического представительства в Соединенных королевствах, выявить основные вопросы и проблемы, стоящие на повестке дня в конце XIX — начале XX в.⁸ В российской историографии принято отделять российско-норвежские от российско-шведских отношений в указанный период⁹. Приграничное положение Норвегии, стратегическая важность страны в нарастающем конфликте интересов великих держав в период формирования блоковой системы международных отношений, затронувшем и скандинавский регион, взаимные экономические интересы России и Норвегии и ведение прямой торговли с норвежскими промышленниками и предпринимателями требовали от российской дипломатии внимательного наблюдения за развитием событий в регионе, быстрой реакции на них и решения возникающих вопросов. Однако дипломатические отношения, согласно принятым общемировым правилам и организации, осуществлялись путем переписки через главное российское представительство в Соединенных королевствах — Российскую Императорскую миссию в Стокгольме. В связи с тем, что Россия не имела прямых дипломатических отношений с Норвегией, текущие вопросы двусторонних отношений решались через миссию. В столичных городах — Стокгольме и Кристиании — располагались генеральные консульства, а также многочисленные консульства и вице-консульства в ряде шведских и норвежских городов¹⁰.

В глазах международного сообщества лидером в унии была, бесспорно, Швеция, Норвегия же воспринималась как часть шведского королевства. Вот почему в 1905 г., в острый кризисный период, связанный с процессом расторжения шведско-норвежской унии, норвежские власти приложили большие усилия для формирования в международном общественном и политическом мнении позитивного представления о своей стране и ее праве на независимость и самостоятельность¹¹.

В сфере экономики два государства выступали как отдельные субъекты, что было обусловлено различиями в направлениях и способах ведения хозяйственной и промышленной деятельности, а также в наименованиях товаров в рамках внешнеторговых операций. Протекционистская политика Швеции вступала в противоречие с принципом свободной торговли, который был принят в Норвегии. Ограниченная в возможностях обеспечения страны продуктами питания Норвегия сделала ставку на мореплавание и предоставление фрахтовых услуг по всему миру. Норвежские и шведские торговые корабли осуществляли свою деятельность под флагами своих стран со знаком унии в углу¹².

Депеши дипломатов, секретные и простые телеграммы Российской императорской миссии в Стокгольме направлялись в Канцелярию МИД, на основе которых готовились доклады царю. В период 1890-х — начала 1900-х гг. на должности российского императорского посланника в Швеции и Норвегии находились: Николай Павлович Шишкин (1884–1891), Иван Алексеевич Зиновьев (1891–1897), Евгений Карлович Бюцов (1897–1904), состоявшиеся дипломаты, профессионалы своего дела. Численность миссии была невелика. В документах встречаются сведения о посланнике и первом секретаре. Помимо них присутствовали генеральный консул, военный агент, а также, вероятно, и переводчики. Посланники не владели шведским и норвежским языками. Исключение составляли, вероятно всего, генеральный консул в Кристиании и консул в Хаммерфесте¹³. Находясь в Стокгольме, российские посланники в большей степени коммуницировали с представителями шведских политических и общественных кругов, дипломатами других стран. Данные, полученные в ходе формального (встречи со шведским министром иностранных дел, аудиенции у короля) и неформального общения (источники, как правило, не разглашались), переводы важных статей в норвежской и шведской прессе, обзоры и в некоторых случаях точный перевод торжественных речей короля Оскара II, зачитанных при торжественном открытии очередных сессий риксдага и стортинга, служили дипломатам важными источниками информации по ситуации в Соединенных королевствах, а также по ключевым внешнеполитическим интересам российского МИД в регионе. Иногда можно встретить и копию донесений российских консулов в Кристиании и Хаммерфесте, которые перенаправлялись во внешнеполитическое ведомство в случае, если содержали значимую по мнению посланника информацию, например обзоры не только важных экономических вопросов, но и политической ситуации в Норвегии в целом. Должность посланника занимали преимущественно дворяне по происхождению, придерживающиеся промонархических взглядов, что влияло на их оценочную позицию при составлении донесений в Петербург. По мнению А. В. Георгиева, происходила «фильтрация» предоставляемых дипломатами сведений, а карьерный рост дипломатического представителя зависел от точного следования указаниям сверху и не предполагал лишней инициативы¹⁴. Таким образом, борьба норвежских радикальных либералов за решение консульского вопроса

в пользу Норвегии посланники трактовали как открытое выступление против юридических основ унии и против короля лично.

В связи с этим многие законодательные инициативы норвежцев воспринимались и рассматривались посланниками сквозь призму конфликта. Активное продвижение своих требований норвежскими Венстре, поддержка со стороны значительной части общества страны, перипетии политической борьбы между либеральной и консервативной партиями Норвегии, оказываемое норвежцами давление на шведские власти и корону стали предметом внимания и обеспокоенности дипломатов, особенно в наиболее острую фазу кризиса 1891–1895 гг. Монархическая и консервативная Россия в глазах шведского короля представлялась потенциальным союзником в борьбе с норвежским радикализмом. В 1891 г., во время аудиенции у Оскара II российского посланника Н. П. Шишкина, монарх «выразил надежду, что найдет в лице Государя Императора опору для “поддержания монархических начал”» и серьезно опасался разрыва унии¹⁵. Российские же власти в большей степени волновали прогерманские взгляды Оскара II и регулярные визиты кайзера Вильгельма II в норвежские воды¹⁶.

С точки зрения российской дипломатии, требования норвежских Венстре рассматривались как прямой путь к разрыву унии и установлению в стране республики. Подтверждением этому считалось намерение правительства Ю. Стеена провести реформу внешнеполитического ведомства решением лишь правительства и стортинга, устраняя тем самым принадлежащую королю законодательную инициативу¹⁷. Шведско-норвежская же уния рассматривалась как залог благоденствия двух государств¹⁸. В депешах посланников неоднократно встречается именование радикального крыла Венстре «радикальным кружком», лидеров партии — «предводителями радикалов», заседаний партии — «сходками», а поддержка ее населением Норвегии трактуется как следование скорее «голосу страсти, чем советам благоразумия»¹⁹. Уже в 1894 г. Зиновьев писал в своем донесении: «Настойчивая пропаганда радикалов имела последствием всеобщее пробуждение народного чувства среди норвежцев. Даже и умеренные из них сознают ныне, что они не пользовались равными с Швецией правами в унии...»²⁰

Апогеем шведско-норвежского кризиса стал 1895 г., когда война между Швецией и Норвегией казалась вполне реальной. Несмотря на то что современная норвежская историография придерживается точки зрения, что вооруженный конфликт между двумя сторонами был невозможен, однако для очевидцев тех событий — российских дипломатов, ситуация выглядела куда серьезней²¹. События 1895 г. остудили пыл норвежских Венстре, и в последующие годы они пытались реализовать свою программу только законодательным путем. В это время на страницах донесений чаще встречаются не описания политических дебатов в норвежском парламенте и прессе, а вопросы, касающиеся интересов России в регионе.

Последовавшие после 1895 г. военные реформы и преобразования в Швеции и Норвегии вызвали сильную обеспокоенность со стороны российской дипломатии и центральных ведомств. Крайне подозрительными казались вооружение дополнительных средств в обеих странах на модернизацию армии и флота, и ее перевооружение. С точки зрения норвежского историка Р. Андерсена, военные реформы в Норвегии были связаны с ростом националистических настроений в обществе и проводились под влиянием идеологии милитаризма²². Отечественные дипломаты «гонку вооружений» увязывали с обострением отношений между Швецией и Норвегией в рамках унии²³.

В дипломатической переписке нет разделения на русско-шведские или русско-норвежские отношения. Вопросы, касающиеся Соединенных королевств, рассматриваются вместе. Например, фактор «русской угрозы», уже хорошо изученный современными российскими и зарубежными историками, является, с одной стороны, одним из аспектов отношений не только между Россией и Норвегией, но и Россией и Швецией²⁴. На рубеже XIX–XX вв. страх перед «восточным соседом» также являлся рычагом воздействия на общественное шведское и норвежское сознание с разными целями в зависимости от внутриполитической конъюнктуры. Например, для сохранения шведско-норвежской унии на страницах прессы неоднократно использовался образ России как потенциальной угрозы²⁵. Нависающий над скандинавскими государствами жупел «русской угрозы» был отличным инструментом манипулирования сознанием общества²⁶.

В 1900–1904 гг. норвежское и шведское общество охватила шпиономания, что добавило забот русским дипломатам в Скандинавии. Русские странствующие ремесленники, прибывающие в Соединенные королевства через Финляндию, превратились на страницах прессы в профессионально обученных военных, ведущих наблюдения и рекогносцировку местности для нужд военного министерства²⁷. С точки зрения российских дипломатов, распространяемые слухи являлись мерой устрашения норвежцев в их сепаратистских стремлениях²⁸. В 1902 г. вице-консул в Хаммерфесте титулярный советник Попов составил пространную записку «О противорусских влияниях в печати и жизни Норвегии», в которой подробно рассматривал как внутренние, так и внешние причины «русобоязни» норвежцев²⁹.

Февральский манифест 1899 г. Николая II, установивший право великого князя издавать законы без согласования с представительными органами власти Финляндии, послужил причиной нового витка русофобии в Швеции и Норвегии. На страницах стокгольмских газет известие о манифесте стало новостью о «государственном перевороте», в связи с чем «здесь и в настоящем случае возбуждено было сочувствие к “угнетенным братьям”»³⁰. Финляндская проблема была сложнее, однако она оказалась тесно вплетена в шведско-норвежские проблемы. Русификация Финляндии истолковывалась в скандинавском обществе как начало русского наступления на Скандинавию. Российский посланник

в Стокгольме Е. К. Бюцов писал по этому поводу: «С введением в Финляндии предположенной реформы воинской повинности, говорят шведы, военное могущество России приблизится к Швеции, а следует между тем иметь в виду, что незамерзающие порты Норвегии и лежащие на пути к ним минеральные богатства северных шведских областей составляют для нее приманку»³¹.

В отличие от посланников, российские консулы находились в более тесной связи с ситуацией на местах, коммуницировали как с представителями официальной власти, так и людьми из предпринимательской, общественной и даже военной сфер. Круг обязанностей консула был достаточно обширен, а их статус в дипломатической иерархии носил промежуточный характер: функционал консульской деятельности был более ограничен, чем у дипломатов, но гораздо шире, чем у консульских агентов, занимавшихся сбором коммерческих данных³².

Двусторонние отношения России и Норвегии с точки зрения региональной истории, а именно коммуникации между северными регионами соседних стран, хорошо изучены в отечественной историографии³³. Исследователи А. В. Репневский и Р. В. Пересадило обращают внимание, что должности генерального консула и консула обычно занимались длительное время и на них назначались российские подданные³⁴. Примером является служба на должности генерального консула в Кристиании действительного статского советника Альберта Альбертовича Теттермана, занимавшего этот пост с 1871 г. Его депеши, направленные в российскую императорскую миссию в Стокгольме, являлись важным источником информации для российских посланников о ситуации в Норвегии. Другим примером является служба действительного статского советника, дворянина по происхождению Березникова Владимира Александровича, находившегося на должности консула в Финнмарке с 1892 г., с 1893 по 1900 г. консула в Хаммерфесте, а с 1900 г. — генерального консула в Стокгольме³⁵. Он был глубоким знатоком северного региона, имел там широкие связи, отлично разбирался в законодательных и фактических особенностях русско-норвежской торговли на севере Норвегии и России — поморской торговле. Его обстоятельные донесения в защиту поморской торговли свидетельствуют о глубоком понимании вопроса, знании истории и законодательного регулирования Норвегии, стремлении защищать интересы и права русских граждан.

Консульские донесения направлялись в посольства и миссии и лишь оттуда, в зависимости от степени их значения, в Министерство иностранных дел. На усмотрение МИД информация из донесений вся или частично могла быть передана в другие российские ведомства. Сложность и запутанность передвижения документов по бюрократическим каналам неоднократно приводила к возникновению конфликтов. Примером является так и не состоявшееся перезаключение русско-норвежского договора о торговле, мореплавании и дружбе 1838 г.³⁶

Донесения консулов как раз содержат информацию о непосредственных российско-норвежских отношениях в области торговли или, допустим, бытовых контактов. Но и здесь мы встречаем различия в личной позиции консу-

лов по отношению к конкретным вопросам. Так, например, генеральный консул в Кристиании А. А. Теттерман относился к будущему поморской торговли достаточно скептически³⁷. Находясь в столице Норвегии, он располагал информацией о крупных внешнеторговых операциях Норвегии с европейскими странами, но проблемы Севера были далеки от него, в то время как В. А. Березников, будучи максимально включенным в проблемы северного региона, находясь в Хаммерфесте, всем сердцем переживал и неоднократно предлагал меры по защите прав и привилегий русских промышленников в Норвегии³⁸.

Значительную роль сыграли консулы в 1905 г., в год расторжения шведско-норвежской унии. Именно предоставляемая ими информация способствовала решению задач по мгновенному реагированию и информированию своих правительств о быстро меняющейся ситуации в королевствах. В консульских отчетах в это время содержится информация о протоколах бесед с представителями официальной власти, сообщения о военных приготовлениях и маневрах, анализ ситуации в целом и общественного мнения. Именно по этой причине, как наиболее компетентное лицо с огромным опытом, погруженное в ситуацию, А. А. Теттерман был повышен до временного поверенного в делах в Кристиании в 1905 г.³⁹

Отношения между Россией и Норвегией носили двойственный характер. С юридической точки зрения Норвегия в 1891–1905 гг. не выступала как самостоятельный субъект на международной арене. Консервативная российская дипломатия с ее промонархической позицией и репутацией защитника устоев крепкой государственности воспринимала норвежский национализм и стремление к расширению прав в рамках унии как выступление против этих самых основ, как покушение на институт монархии. В этом смысле сочувствие дипломатических представителей было на стороне Швеции. Законодательная казуистика в государственном оформлении шведско-норвежской унии повлекла за собой своеобразные двойственные отношения с Россией. С одной стороны, это были контакты между различными представителями народов двух стран не только на уровне центрального аппарата управления, с другой же, государства Норвегия до 1905 г. не существовало, а потому и все межгосударственные контакты могли осуществляться через официальное дипломатическое ведомство.

¹ В литературе получила название «Ноябрьской».

² *Wasberg G. Ch. Historien Om 1814. Med dokumenter, sitater og bilder.* Oslo. 1964. S. 156–158, 166–167; *Ручме У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 70.

³ *Рогинский В. В.* Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012. С. 426, 468.

⁴ Там же. С. 470.

⁵ *Tejlesen B.* Vi skiltes i fred: oppløsningen av den norsk-svenske unionen i 1905. Oslo, 2001. S. 90–91.

- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 96. Л. 37–38.
- ⁷ Садова Л. А. Политическая жизнь Норвегии и шведско-норвежский конфликт в донесениях российских дипломатов в 1890-е гг. // История. 2017. Т. 8, вып. 4 (58). URL: <http://history.jes.su/s207987840001843-6-1>
- ⁸ Садова Л. А. 1) Организация российского дипломатического представительства в Соединенных королевствах Швеция и Норвегия на рубеже XIX–XX вв. // История. 2023. Т. 4, вып. 9 (131). URL: <http://history.jes.su/s207987840028007-6-1/>; 2) Донесения российских консулов в Норвегии в 1890–1905 гг. как исторический источник // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2024. Вып. 25 (1–2). С. 133–144.
- ⁹ Например: Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М., 2017.
- ¹⁰ Пересадило Р. В., Ретневский А. В. Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии: сравнительная характеристика (XIX век — 30-е годы XX века) // Северная Европа: Проблемы истории. 2003. Вып. 4. С. 191–210.
- ¹¹ Hamnerstad T. Svensk og norsk diplomati og virksomhet i Stobtitania i tiden rundt unionsoppløsningen i 1905. Hovedoppgave i historia. Oslo. 2002; Vårt folks historie. Bd. VII. Oslo. 1964; Kolle A. Jugglery with words. Storbritannias og Tysklands politiske og diplomatiske reaksjoner på den svensk-norske unionskrisen i 1905. Hovedoppgave i historia. Oslo, 2004.
- ¹² Знак унии, принятый в 1844 г., представлял собой смесь шведских и норвежских цветов и символизировал равенство между объединенными королевствами. Символ, получивший в народе название «салат из сельди», был удален с норвежского коммерческого флага в 1899 г. Швеция же сохранила этот знак на флаге вплоть до расторжения унии в 1905 г. См. подробнее: *Imsen Ø. Flaggsak og flaggbruk i 1890-åra — fra Stortinget till Plevolden.* Hovedoppgave. Oslo, 2005; Садова Л. А. Закон о новом норвежском коммерческом флаге 1899 г. как политическая акция (по донесениям российских дипломатов) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 76–86.
- ¹³ Садова Л. А. Организация российского дипломатического представительства...
- ¹⁴ Георгиев А. В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия // История СССР. 1988. № 4. С. 138.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1891 г. Д. 90. Л. 65.
- ¹⁶ Там же. Л. 66 об. — 67.
- ¹⁷ Там же. Л. 76 об.; Ф. 133. Оп. 470. Д. 80. Л. 82–86; Оп. 470. 1891 г. Д. 90. Л. 147 об. — 148.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1891 г. Д. 90. Л. 164.
- ¹⁹ Там же. Д. 80. Л. 20, 56, 60 об. — 61; Д. 90. Л. 37.
- ²⁰ Там же. Д. 91. Л. 17 об.
- ²¹ Садова Л. А. Обострение шведско-норвежского конфликта в 1895 году. По документам российских дипломатов // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 165–179; Dahl O. Nøyre og regjeringsskrisen i 1895 // Norsk Historisk Tidsskrift. 1962. Bd. 4, no. 2. S. 242–254.
- ²² Andersen R. Opprustningen og unionsstrid: forsvarets betydning. 1892–1905 // Forsvarstudier. 1998. No. 1. S. 7–8.
- ²³ Agøy N. I. For konge og fedreland? Offiserer, politikk, unionsstrid og nasjonalisme 1890–1905. Oslo, 2001; Ottosen M. N. “Angreb kan tænkes rettet baade fra Land- og fra Søsiden”. Militære tiltak og vurderinger i Trøndelag 1890–1905. Masteroppgave i historie. Oslo, 2005; Hansen M.J.N. En analyse av norsk militærhistorie gjennom 1800-tallet. På hvilke måter var den prøyssiske militære nytenkning sentral for norsk militær utvikling. Masteroppgave i historie. Tromsø, 2023; Садова Л. А. Военные преобразования в Швеции и Норвегии в ходе шведско-норвежского конфликта на рубеже XIX–XX вв. (по донесениям российских дипломатов) // История. 2023. Т. 14, вып. 8 (130). URL: <http://history.jes.su/s207987840027710-0-1/>
- ²⁴ «Русская угроза» — намерение российских властей захватить незамерзающие порты на севере Норвегии, в Финнмарке, для выхода в Атлантику. Подтверждения подобных целей и планов России в архивных документах не обнаружено. Касьян А. С. Проблема «русской угрозы» Норвегии (XIX — начало XX в.) в освещении зарубежной историогра-

- фии и отечественных источников // История. 2011. Т. 2, вып. 5. URL: <http://history.jes.su/s207987840000114-4-2/>; *Давыдов Р. А.* Влияние мифа о «русской угрозе» Финнмарку на деятельность российских дипломатов в королевствах Швеции и Норвегии в конце XIX — начале XX в. // Баренц-журнал. 2009. № 1 (7). С. 25–29; *Berg R.* Russophobia 1820–1855 // Det farefulle nord. Trusler og trusseloppfatninger knyttet til Nord-Norge gjennom tusen år. Tromsø, 2002. С. 53–65; *Nielsen J. P.* The Russia of the Tsar and North-Norway. “The Russian Danger” Revisited // Русский Север и Север Европы в XVIII–XX вв. Архангельск, 2005. Р. 30–52 и др.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 80. Л. 192–198.
- ²⁶ Там же. Л. 222–225; Д. 90. Л. 4 об.
- ²⁷ Там же. Д. 96. Л. 15 — 18 об.
- ²⁸ Там же. Л. 138 об. — 140.
- ²⁹ «Призрак русского нашествия». Записка вице-консула в Хаммерфесте Е. Попова в Российскую миссию в Стокгольме, 17.08.1902 // Исторический архив. 1999. № 6. С. 142–154; АВПРИ. II Департамент I-5. Оп. 407. Д. 1161. Л. 2–32.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 98. Л. 31–33; II Департамент I-5. Оп. 407. Д. 96. Л. 37 об., 131–132.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 98. Л. 60 об. — 61.
- ³² *Павленко С. С.* Сравнительный анализ основных моделей деятельности консульских учреждений в XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 2 (6). С. 62; *Сафронова Е. В.* Эволюция функций консульских учреждений Российской империи в XVIII — начале XX в. // Научные ведомости БелГУ. Сер. Филология. Социология. Право. 2007. № 9 (40), вып. 2. С. 153–154.
- ³³ *Карелин В. А.* Российско-норвежская торговля начала XX столетия в экспертной оценке современника // Вестник «Баренц-центра» МШУ. 2008. Вып. 7. С. 54–63; *Давыдов Р. А.* Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1998; *Пересадило Р. В.* Российское государство и норвежское влияние на русском Севере на рубеже XIX–XX вв. // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. Архангельск, 2001. С. 63–66; *Шрадер Т. А.* Поморская торговля на рубеже XIX–XX вв. // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 271–291 и др.
- ³⁴ *Пересадило Р. В., Ретневский А. В.* Кадры и организация торгово-дипломатической работы России в Норвегии. С. 191–193.
- ³⁵ *Садова Л. А.* Закон о новом норвежском коммерческом флаге 1899 г. С. 76–86.
- ³⁶ *Ганелин Р. III.* С. Ю. Витте и переговоры о торговом договоре со Швецией и Норвегией в 1895–1900 // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. (Труды ЛОИИ; вып. 11). С. 144–163.
- ³⁷ *Теттерман А.* К вопросу о торговых сношениях России с портами Западной Норвегии // Сборник консульских донесений. СПб., 1899. Вып. IV, V. С. 341; АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 16. Л. 26 — 89 об.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 407. Д. 16. Л. 1 — 15 об.
- ³⁹ *Leira H., Neumann I. B.* Fremmede konsulter i Norge ca. 1660–1905 // Historisk Tidsskrift. 2006. Vol. 106. S. 480–481.

References

DAVYDOV R. A. Vliyanie mifa o “russkoi ugroze” Finnmarku na deyatel’nost’ rossiiskikh diplomatov v korolevstvakh Shvetsii i Norvegii v kontse XIX — nachale XX v. [The influence of the myth about the “Russian threat” to Finnmark on the activities of Russian diplomats in the kingdoms of Sweden and Norway in the late 19th — early 20th centuries. In Russ.]. // Barents-zhurnal. 2009. No. 1 (7). P. 25–29.

PERESADILO R. V., REPNEVSKIJ A. V. *Kadry i organizatsiia torgovo-diplomaticheskoj raboty Rossii v Norvegiu: sravnitel'naia kharakteristika (XIX vek — 30-e gody XX veka)* [Personnel and organization of trade and diplomatic work of Russia in Norway: comparative characteristics (19th century — 30s of the 20th century). In Russ.] // Severnaia Evropa: Problemy istorii. 2003. Iss. 4. P. 191–210.

ROGINSKIJ V. V. *Bor'ba za Skandinaviiu. Mezhdunarodnye otnosheniia na Severe Evropy v epokhu Napoleonovskikh vojn 1805–1815* [Battle foe Skandia. International relations on the North of Europa during Napoleonic wars 1805–1815. In Russ.]. Moscow, 2012.

SADOVA L. A. *Organizatsiia rossiiskogo diplomaticheskogo predstavitel'stva v Soedinennykh korolevstvakh Shvetsiia i Norvegiia na rubezhe XIX–XX vv.* [Organization of Russian diplomatic presence in United Kindoms Sweden and Norway on the turn of 19th and 20th centuries. In Russ.] // Istoriia. 2023. Vol. 4, iss. 9 (131). URL: <http://history.jes.su/s207987840028007-6-1/> (date of access 24.03.2024).

Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godah [Rapprochement, Russia and Norway in 1814–1917. In Russ.]. Moscow, 2017.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. А. Садова. Россия и Норвегия: особенности двусторонних отношений в 1891–1905 гг. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 192–203

Аннотация: Российско-норвежские отношения на рубеже XIX–XX вв. принято рассматривать в отдельности от российско-шведских за этот же период. Это было связано с особенностями юридического оформления шведско-норвежской унии в 1814 г., согласно которым Норвегия получала значительную самостоятельность в управлении внутренней политикой. На основании дипломатических документов из Архива внешней политики Российской империи автор ставит вопрос об особенностях двусторонних отношений между Россией и Норвегией. Архивные документы свидетельствуют о многоуровневом характере взаимодействия Норвегии и России. С точки зрения дипломатической практики Норвегия воспринималась в российском МИДе как неотделимая часть Швеции, взаимодействие с которой на официальном уровне осуществлялось через шведские государственные институты. С другой стороны, прямое российско-норвежское торговое сотрудничество, в том числе между приграничными северными окраинами двух государств, а также геополитические интересы России в регионе требовали решения вопросов именно в рамках прямых российско-норвежских взаимоотношений.

Ключевые слова: Соединенные королевства Швеция и Норвегия, Российская империя, двусторонние отношения, дипломатические и консульские донесения, внешняя политика, торговое сотрудничество.

FOR CITATION

L. A. Sadova. Russia and Norway: features of bilateral relations in 1891–1905 // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 192–203

Abstract: Russian-Norwegian relations at the turn of the 19th–20th centuries are usually considered separately from Russian-Swedish relations in the same period. This was due to the peculiarities of the legal formalization of the Swedish-Norwegian union in 1814, according to which Norway received significant independence in the management of domestic policy. Based on diplomatic documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, the author raises the question of the specifics of bilateral relations between Russia and Norway. Archival documents indicate the multilevel nature of the interaction between Norway and Russia. From the point of view of diplomatic practice, Norway was perceived in the Russian Foreign Ministry as an inseparable part of Sweden, with which interaction at the official level was carried out through Swedish state institution. On the other hand, direct Russian-Norwegian trade cooperation, including between the border northern suburbs of the two states, as well as Russia's geopolitical interests in the region, required resolving issues precisely within the framework of direct Russian-Norwegian relations.

Key words: United Kingdoms of Sweden and Norway, Russian Empire, bilateral relations, diplomatic and consular reports, foreign policy, trade cooperation.

Автор: Садова, Людмила Анатольевна — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Author: Sadova, Liudmila Anatolievna — junior research assistant, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mila_sadova@yahoo.com

Research ID: ABF-8158-2020